
DOI 10.15393/j9.art.2014.738

Марина Анатольевна Жиркова

*кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы
и русского языка, ЛГУ им. А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация)*
manp@mail.ru

ПРЕОБРАЖАЮЩАЯ СИЛА МОЛИТВЫ (СТИХОТВОРНАЯ ПОВЕСТЬ В. А. ЖУКОВСКОГО «КАПИТАН БОПП», 1843)

Аннотация. В повести В. А. Жуковского речь идет о силе веры, способной изменить человека. Герой стихотворной повести — капитан корабля Бопп — злой и развратный человек, преступник и богохульник, ненавидимый своей командой, готовой его убить. Герой получает возможность спасения через Евангелие, покаяние и молитву. Внутреннее преобразование, произошедшее с капитаном, стало возможным благодаря сложной внутренней духовной работе, силе устремленности к Богу, размыканию собственной личности и полной отдаче себя в руки Бога. Этот путь мыслится автором как единственно возможный, но главное — возможный. Кульминационным моментом является видение капитану распятого Христа. Теперь герою умирать не страшно, потому что приходит понимание, что он прощен. В повести, с одной стороны, речь идет о смерти человека, но с другой — главным становится не смерть как таковая, а то новое состояние, которое позволило герою обрести покой. Для Жуковского земная жизнь — это подготовка к жизни вечной. Повесть оставляет надежду каждому и утверждает возможность спасения.

Ключевые слова: повесть, дидактизм, исповедь, молитва, диалог, жанр, видение

Стихотворная повесть В. А. Жуковского «Капитан Бопп» мыслилась автором дидактически-просветительской, предназначенной для детей. Исследователь творчества Жуковского А. С. Янушкевич отмечает, что к середине 1840-х гг. у поэта «формируется грандиозный замысел собрания повестей для юношества, “самой образовательной детской книги”». В рукописях поэта сохранился черновой проект книги, включающей десятки сказок, стихотворных повестей, народных и библейских сказаний <...> [12, 272]. Писателю и журналисту В. А. Соллогубу В. А. Жуковский писал: «Свежему, молодому сердцу такого рода впечатления могут быть благотворны» [Цит. по: 8, 506]. При этом дидактизм поэта

окрашивается христианскими умонастроениями: в рассматриваемой повести речь идет о силе веры, способной изменить человека.

В эти годы для поэта особенно важным становится обращение к духовной, религиозной тематике. Так, Ф.З. Канунова пишет: «В 30-40-е гг. Жуковский буквально устремляется к постижению основ веры. Библиотека поэта свидетельствует об интенсивном изучении им религиозной литературы. Из 147 книг на религиозные темы 59 содержат обширные пометы» [6, 161]. И. А. Айзикова отмечает, что тексты произведений этих лет, «выстроенные на идеях Священного Писания, отличаются особой поэтикой, они пронизаны библейскими цитатами, образами, мотивами. Причем на первом плане у Жуковского оказывается именно Евангелие, в центре которого воплощение Сына Божия в человеческом образе» [1, 168].

В стихотворной повести «Капитан Бопп» происходит главное таинство — перерождение человека и обретение им спасения. В начале повествования главный герой, капитан корабля, вызывает не должное уважение и преданность своего экипажа, а, наоборот, смертельную ненависть. В поэме звучат упреки капитану в злобе, угнетении, разврате, богохульстве:

На корабле купеческом Медузе,
Который плыл из Лондона в Бостон,
Был капитаном Бопп, моряк искусный,
Но человек недобрый; он своих
Людей так притеснял, был так бесстыдно
Развратен, так ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь экипаж
Смертельно ненавидел <...> (185)¹.

Вмешательство Бога — смертельная болезнь капитана — нарушает планы экипажа поднять бунт на корабле. Возможно, тем самым определяется судьба не только капитана, но и экипажа, отводя моряков от задуманного ими греха:

Готов был вспыхнуть бунт и капитану б
Не одобровать... но Бог решил иначе (185).

Болезнь становится испытанием для главного героя. Покинутый всеми он оказался один на один с собою и со смертью, перед лицом которой он ужаснулся предстоящему, понимая, какая ему уготована участь, в нем вдруг пробудилась совесть:

... и ужас душу
Его охватил, когда предстали разом
Ей смерть и вечность; с страшным криком совесть
Проснулась в нем <...> (187).

Но озлобленность на весь мир не позволяет капитану в этом признаться даже самому себе. Герой одинок не только во время болезни, он одинок изначально. На корабле он окружен ненавистью всей команды, лишен человеческого общения, любви. До болезни одиночество и всеобщая нелюбовь его не трогают, потому что он ощущает себя вознесшимся над людьми в своей гордыне, презрении и ненависти к ним. Если Бог есть Любовь и закон Любви можно рассматривать как единственный и естественный закон бытия, то ненависть — это нарушение естественного закона жизни и отпадение от Бога. Любовь спасает, несет надежду и дарит радость; ненависть порождает жестокость, творит зло и разрушает человека, ввергает его в ад. Лишь болезнь обозначила главному герою существующую пропасть. Для Жуковского капитан болен не только физически: «Уже дни четыре, / Снедаемый болезнью лежал», но он болен душою. Грех как болезнь, которая постепенно разлагает душу и ведет к ее гибели. Поэтому важно не столько излечение тела, сколько души. Четыре дня, которые капитан лежит фактически замурованный в каюте, можно соотнести с четырьмя днями погребения Лазаря. То, что сказано затем в Евангелии по отношению к смерти и воскресению Лазаря также соотносимо с героем Жуковского: «Эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий» (Ин. 11:4–5). Как евангельскому герою будет дано обрести спасение и воскресение, так и герой повести Жуковского будет спасен. Следующие дни его жизни и будут постепенным воскрешением, в данном случае речь идет о возрождении, преображении души грешника перед смертью.

Посланцем Бога выступает в дальнейшем развитии сюжета 12-летний мальчик Роберт, по-видимому, юнга на корабле. Спасением и будет появление ребенка, нарушающего 4-хдневное одиночество ненавистного всем капитана. Именно с его появлением начинается постепенное возрождение и преображение главного героя. Изгнанный в пылу обиды и гнева капитаном вначале Роберт вернется на следующий день. Первым потрясением для главного героя станет не близкая смерть, а сострадание ребенка, жалость и помощь которого все-таки он принимает. Разуверившись в экипаже, с обидой и злобой в сердце капитан готов принять свои страдания и смерть. Но жалость и забота мальчика переворачивает всю его душу. Не ненависть, а любовь видит капитан в появлении ребенка. Впервые для героя, похоже, возникает потребность в человеческом общении, проявляются иные эмоции: грустная улыбка, слезы, рождаются мысли о возмездии за грехи и погубленной душе.

Мир вдруг предстал для капитана развернутым в бесконечность по вертикали, где верх — небо, рай, а низ — преисподняя, ад. И вертикаль эта прошла через сердце героя, произошло осознание своего падения, и возник страх оказаться в самом низу: «Меня ждет ад; я ничего иного / Не заслужил; я грешник, я навеки / Погибший человек» (187). Мятущаяся душа капитана, лежащего ниц, как в прямом смысле — больной в постели, так и в переносном — поскольку грешен, в напряженном усилии устремлена вверх, к Богу.

Традиционная церковная исповедь прихожанина через духовника перед Богом в данном случае отсутствует², но внутреннее раскаяние главного героя несомненно. Посредником исповеди капитана перед Богом становится мальчик: «Свое дотоль бесчувственное сердце / Он исповедовал перед ребенком». Сопереживание мальчика, его искреннее желание помощи и спасения капитану, надежда на Божественное вмешательство усиливает действенность покаяния, для которого необходимы искреннее раскаяние и обвинение себя в грехах, смирение и намерение исправить свою жизнь [10, 75; 9, 240]. Таинство покаяния мыслится как мистический акт, когда за внешними ритуалами предполагается мистиче-

ское соединение двух миров и встреча с Богом. Исповедь должна принести внутреннее очищение души от грехов и возрождение человека. Она чаще всего отражает кризисное душевное состояние. Именно искреннее раскаяние в прошлых ошибках, нанесенных обидах, совершенных грехах может освободить душу человека от тяжести груза содеянного и помочь обрести веру в себя, найти новую опору в жизни.

Прось Роберта найти и почитать Евангелие, капитан вступает на путь духовного преобразования. Звучит евангельский текст, но его кажется герою мало. Он стремится найти ответы на свои вопросы: чего ему ждать и в чем его спасение. Но после чтения Евангелия капитан только уверовал еще больше в собственную греховность. Хотя он слышит слова Христа, но поверить Спасителю пока не смеет. Уходит страх физической смерти, но усиливается страх за посмертную участь, потому что кажется «погиб навеки». Капитан просит мальчика о молитвенном слове за него перед Богом. Герой в критической, пороговой ситуации, когда не на что опереться, собственная жизнь и личность кажутся ему теперь невероятно греховными, а сострадания мальчика уже недостаточно. В этом состоянии смятения и отчаяния остается последняя надежда — обратиться к высшим силам. Сама просьба о молитве звучит многократно, с жаром и на эмоциональном надрыве. Перед нами уже другой человек, осознавший степень своей греховности, но озаренным осознанием Божественного присутствия. Ребенок, не зная канонических молитв, кроме одной («я никакой другой / Молитвы, кроме *Отче наш* не знаю») творит свою молитву от всего сердца. Искренняя и наивная молитва ребенка пронизана верой в чудо и милость Бога, живым сочувствием и состраданием:

... Господи, помилуй
Ты моего больного капитана.
Он хочет, чтоб тебе я за него
Молился — я молиться не умею.
Умилосердись ты над ним; он бедный
Боится, что ему погибнуть должно —
Ты, Господи, не дай ему погибнуть.

Он говорит, что быть ему в аду —
Ты, Господи, возьми его на небо;
Он думает, что дьявол овладеет
Его душой — ты, Господи, вели,
Чтоб Ангел твой вступился за него (189).

Исходящая от самого сердца мальчика молитва потрясает каждого: потоки слез капитана несут очищение его душе, взволнован Роберт молитвенным состоянием и переживаниями за главного героя. Молитва мальчика, обращенная к Богу, проходит и через сердце капитана, таким образом, она удваивается: «...невинность чистая, с какою / Ребенок за него молился, всю / Его проникла душу» (189). Не зная, как донести свое слово Богу, не решаясь на это, считая себя великим грешником, не заслуживающим прощения, капитан через молитву ребенка оказывается сопричастен молитвенному акту. Открываясь мальчику через душевный контакт, душевное соприкосновение с ним капитан открывается Богу и отдает себя в Его руки.

Невероятно сложные душевные процессы происходят внутри главного героя. Комментаторами к полному собранию сочинений Жуковского отмечается, что поэт, уделяя особое внимание психологическому состоянию своего героя, как раз углубляет ситуацию раскаяния капитана Боппа, его путь к смирению и очищению [6, 507]. Можно обозначить некоторые моменты его душевных движений: гнев и гордыня, из-за которых ему кажется, что лучше принять страдания и смерть, — в начале пути; появление мальчика поселяет сомнение и обнажает одиночество, порождает тоску; общение с Робертом, чтение Евангелия подводит к осознанию абсолютного одиночества, покинутости Богом, понимания собственной вины и смирение перед Ним. Жуковский в статье о молитве писал: «...Он одною молитвою призванный, может отвести нашу душу от бездны искушения, на краю которой идет дорога нашей земной жизни, и подать ей руку, когда, упавшая в эту бездну, она призовет Его утопая»³. Считая себя недостойным, через молитвенное состояние капитан открывает глубины своей души, страх перед заслуженным наказанием и надежду на Божью милость; искреннее

раскаяние и желание прощения. Таким образом, в молитве через посредничество ребенка произошел прорыв в мистический акт диалога с Богом. По словам святителя Игнатия Брянчичинова, молитва — средство и состояние общения человека с Богом, путь к Богу [3, 128].

События стихотворной повести Жуковского происходят на корабле, плывущем в море. Море — безбрежное, вечное, стоящее у истоков творения, а также корабль, пронизаны множеством символических как религиозных, так и философских, эстетических значений. Корабль в христианстве соотносим с церковью как средством спасения в житейском море, а также и с мотивом скитания, поиска, не случайно в настоящий момент он в пути. Капитан, несмотря на свои дурные качества, «моряк искусный», то есть способный вести корабль, противостоять бурям и штормам. Показательна в этом плане фамилия капитана, восходящая к немецкой и имеющая значение «прославленный», «знаменитый» и «лидер», «предводитель»⁴.

Название корабля «Медуза» отсылает к античному язычеству, хотя в нужный момент там находится Евангелие. Отсылки к язычеству указывают на еще один возможный путь корабля — в мир мертвых. Можно в этом плане обратить внимание на сам маршрут купеческого корабля: «из Лондона в Бостон»: американский Бостон некогда являлся английской колонией, да и назван в честь небольшого английского городка, это крупнейший торговый город, один из крупнейших мировых торговых портов. За Америкой с течением времени закрепилась мифологема загробного мира. О. Дарк об этом пишет так: «Дело в том, что "из Америки" *нельзя вернуться*⁵ — в особом смысле: прежним, неизменным. А значит, уезжал один, вернулся другой. В этом острый смысл американского невозвращенчества. В Германию или Францию можно съездить и *ничего с тобой не делается*. <...> Но место, откуда *нельзя вернуться*, — только одно: загробный мир. В мифологической традиции *оттуда* в большинстве случаев нельзя вернуться буквально (тебя там оставят), иногда нельзя вернуться прежним: Геракл, Орфей, Одиссей...» [4]. Миф об Америке как о загробном мире отражен

и в русской литературе (мнимое самоубийство Лопухова в романе Чернышевского «Что делать?», самоубийство Свидригайлова у Достоевского) [4].

Благодаря кораблю, отправляющемуся, возможно, в мир мертвых, возникают также ассоциации с летучим голландцем, кораблем-призраком, несущим погибель другим и обреченным на вечное скитание в море. Героем легенды нередко называют голландцев Филиппа Ван дер Декена или Корнелиуса Ван Страатена, а также немца фон Фалькенберга [7]. Здесь множество совпадений, в том числе с личностью капитана Боппа. Герой легенд — богохульник, упрямец, злой и жестокий, которому ставят в вину и конфликт с Богом, и сделку с дьяволом, и убийство не согласных с ним матросов; присутствует также мотив покушения на чужую невесту, позволяющий обвинить капитана в разврате. Возникшая в XVII веке легенда закрепляется позднее в литературе: поэма Сэмюэля Кольриджа «Старый моряк» (1798), сказка Вильгельма Гауфа «История корабля-призрака» (1825), повесть Генриха Гейне «Из мемуаров господина фон Шнабелевопского» (1834), роман Фредерика Марриета «Корабль-призрак» (1839)⁶.

Интересно, что легендарные истории построены в первую очередь на увлекательном романтическом сюжете, преступлении и возмездии за него; спасение в них не является обязательным элементом сюжета. Но литературные герои получают спасение через любовь или исповедь. Повесть Жуковского сосредоточена именно на возможности спасения даже для такого грешника, каковым является капитан Бопп. То, что составляло главное содержание предшествующих историй, у поэта остается за рамками текста и обозначено лишь в характеристике капитана, угадывается в отношении к нему команды. Сюжетом повести становится именно обретение спасения через страдания и обращению к Богу.

Свидетелем, помощником на пути страдания и исцеления капитана является 12-летний мальчик. Вряд ли правомерно говорить здесь о младенческой чистоте и невинности, и все-таки именно детская наивность, чистота помыслов, живая вера и искреннее сопереживание усиливают и спо-

собствуют установлению мистического диалога, контакта с мирами иными. Известны размышления самого Жуковско-го о молитве, некоторые положения которых созвучны пове-сти: «Молитва не может существовать без молящегося; она тогда только получает жизнь, когда слова, ее выражающие, выражают в то же время и душу их произносящего: тогда со-вершается таинство смирения перед Богом в душе челове-ческой, таинство для нас неисповедимое, таинство, силою ко-торого Всемогущий, всякое добро творящий по одной своей мудрости и благодати, так сказать, покоряется бедному слову человека. В чем же это таинство, в чем его сила? В вере, при-водящей в движение горы; в смирении, предающем нас безъ-изъятно в сильную руку Бога»⁷.

Преображение внутреннее, произошедшее с капитаном, стало возможным благодаря сложной внутренней духовной работе, силе устремленности к Богу, размыканию собствен-ной личности и полной отдачи себя в руки Бога. Когда маль-чик видит капитана вновь на другой день после молитвы, то отмечает и те внешние изменения в облике, которые поража-ют его. Сияние, радость, смирение и святость в проступают теперь вместо страха и «дикости»:

...страх, который так
Усиливал естественную дикость
Его лица, носившего глубокой
Страстей и бурь душевных отпечаток,
Исчез; на нем сквозь покрывало скорби,
Сквозь бледность смертную сияло что-то
Смиренное, веселое, святое,
Как будто луч той светлой благодати,
Которая от Бога к нам на вопль
Молящего раскаянья нисходит (190).

Перед нами человек, переживший некое испытание и об-ретший новый духовный опыт. Таким переломным, кульми-национным становится видение распятого Христа, о котором рассказывает Роберту капитан, и которое последовало за ноч-ным чтением Евангелия. Игнатий Брянчичинов писал: «Хо-чешь ли услышать Христа? — Он говорит тебе Евангелием»

[3, 96]. Евангелие понимается как слово Христово, можно обратить внимание на то, что евангельский текст читался вслух, а не про себя, то есть звучал именно как слово. В своем новом состоянии капитан говорит о своей душе, полной евангельской святостью, позволяющей прикоснуться к Тайне. Даже рассказывая свое видение, капитан сравнивает себя с евангельским героем — со слепым у дороги, воскричавшим к Христу, получившим исцеление и отправившимся вслед за Ним (Мк. 10:46–52; Лк. 18: 35–43).

Капитан подробно описывает видение распятого Христа у себя в каюте, истекающего кровью на кресте, но живого и обращает внимание не на его страдальческий вид, а, наоборот, вопреки ожиданию (а он рассказывает о залитом кровью кресте), подчеркивает улыбку, благодать, нежную жалость, исходящих из Его глаз. Мы наблюдаем любовь и радость Христа за человека, вставшего на путь исправления и спасения. Поэт обращается к средневековому жанру видения, утвердившемуся в древнерусской литературе, темой которого как раз являлась мистическая встреча с Богом, ангелами, святыми. Как пишет Н. И. Прокофьев: «В этом жанре по преимуществу проявлялось и выражалось общение человека с трансцендентным миром ("богообщение") в реально-практических целях» [11, 38]. Стихотворная повесть Жуковского совпадает по некоторым сюжетным элементам с жанром видения: молитва героя; появление чудесных сил, которые сообщали видящему «откровение», разрешают какой-либо вопрос; осознание смысла встречи⁸. Теперь капитану не страшно умирать, потому что он удостоен встречи с высшими силами и приходит понимание, что он прощен.

Видение капитану распятого Христа соотносимо с изображениями корабля с распятым Христом на кресте вместо мачты, известными в Европе с XV века и получившими распространение на Руси с XVII века [2]⁹. Спасены будут те, кто находится вместе с Христом. Это понимание будет дано капитану: «Теперь я знаю: *Тот* меня спасет, / Кто ко кресту за всех и за меня / Был пригвожден». Но вряд ли это можно перенести на всех, кто находится на корабле. Не случайно ка-

питан так беспокоится за мальчика, который остается среди нечестивых, ведь в дальнейшем он сам может ступить на дорожку греха:

...тебя мне жаль, как сына
Родного жаль; ты должен здесь остаться
На корабле меж этих нечестивых
Людей, один, неопытный ребенок...
С тобою будет то же, что со мной!
Ах! Роберт, берегись, не попади
На страшную мою дорожку; видишь,
Куда ведет она.<...> (192).

Спасение дано только тому, кто поверит. Именно для капитана корабль становится своеобразным храмом, местом Божественного присутствия, причем как мистического, когда герой обнажает свою душу перед Богом и посредством молитвы вступает с Ним в контакт, так и почти реального, живого благодаря видению распятого Христа, которое капитан воспринимает как ответ Бога на его молитву.

В плане рассуждений о воскресении души капитана следует обратить внимание на временную протяженность повести. Четкие обозначения временных отрезков у Жуковского отсутствуют, указаны лишь первые четыре дня болезни капитана, брошенного всеми; затем время теряет свою конкретику: «однажды» — это слово дважды встречается в повести. Но в целом в тексте описаны семь дней, на протяжении которых мы наблюдаем те изменения, которые происходят с героем, погружаемся в его переживания, колебания которых представлены на высоком эмоциональном напряжении: от озлобленности к грусти, отчаянию и бессилию они переходят к надежде и радости. На седьмой день Роберт застаёт умершего капитана на коленях в углу со сложенными в молитве руками. Прикосновение мальчика меняет его положение:

...медленно он навзничь
Упал; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки бледны, вид
Спокоен, руки сжаты на молитву (193).

Символично, что видение распятого Христа капитану было с пятого на шестой день, то есть, возможно, со Страстной пятницы, когда был распят Христос, на Страстную субботу. Говорим, возможно, потому что в тексте Жуковского отсутствуют календарные указания, но подобная соотнесенность представляется допустимой в христианском контексте повести. Можно в этом плане обратить внимание на время создания произведения Жуковским. Так, комментаторами отмечаются следующие даты работы поэта над повестью: 15 (27) апреля — 2 июля н. ст. 1843 года [8, 506]. Пасха в этот год выпала на 11 апреля по старому стилю, тогда начало работы поэта приходится на Святую Пасхальную неделю. Поэтому нам кажется возможным соотнесение событий повести с Великой Страстной неделей. Собственно, кульминационный момент приходится на конец Страстной недели. Завершается повествование на седьмом дне, то есть умер капитан в ночь с шестого на седьмой день, со Страстной субботы на Светлое Христово Воскресенье. Поэтому в повести звучит не просто вера в чудо, а его утверждение.

Итак, перед нами, с одной стороны, повесть о смерти человека, с другой — главным становится не смерть как таковая (стоит обратить в этом плане на слова капитана: «Теперь мне уж не страшно умереть»), а то новое состояние, которое позволило ему обрести покой. Жуковский считал, что «Сама жизнь здешняя не что иное, как воспитание для будущего, а все будущее не что иное, как бесконечное воспитание для Бога» [цит. по: 5, 15]. Для Жуковского земная жизнь — это подготовка к жизни вечной. Конец повести, смерть капитана, таким образом, становится началом новой жизни уже за рамками текста. Поэтому, с одной стороны, повесть завершена, а с другой — открыта в вечность. Последняя, завершающая фраза стихотворной повести: «Спокоен, руки сжаты на молитву» — о новом герое, победившем свою смерть и готовом теперь к вечному диалогу с Богом.

Напомним, что стихотворная повесть Жуковского адресована детям. В ней достаточно явственно выступает дидактическое начало. Повесть, с одной стороны, несет поучительный урок¹⁰, а с другой — оставляет надежду на спасение, веру в чудо и утверждает возможность воскресения.

Примечания

- ¹ Далее текст Жуковского цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 4. Стихотворные повести и сказки / Сост. и гл. ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки славянских культур, 2009.
- ² Исповедь обращена к Богу, священник — посредник между Богом и кающимся; свидетель покаяния и отпускающий грехи, принимаемые и прощаемые Богом. Ср. слова священника, обращенные к кающемуся: «Дитя мое, Христос невидимо стоит (перед тобою), принимая исповедь твою» (Требник).
- ³ Цитируется по: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений. В 12 т. / Под ред А. С. Архангельского. Т. 10. Спб.: Издание А. Ф. Маркса, 1902. С. 80.
- ⁴ Вероятнее всего, что это уменьшительная форма от редкого немецкого имени Бодоберт. Как и многие другие германские имена, оно состоит из двух самостоятельных частей: «bodo» («лидер, командир») и «berht» («яркий, знаменитый») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ufolog.ru/names/order/%D0%91%D0%BE%D0%BF%D0%BF>. Дата доступа: 12.06.2014.
- ⁵ Все выделения принадлежат автору цитируемого текста.
- ⁶ Можно добавить и музыку: премьеры оперы Рихарда Вагнера «Летучий голландец» состоялась в январе 1843 г., тогда как Жуковский работает над своей повестью в апреле — июле 1843 г., что позволяет включить оперу в данный ряд.
- ⁷ *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений. В 12 т. / Под ред А. С. Архангельского. Т. 10. Спб.: Издание А. Ф. Маркса, 1902. С. 76.
- ⁸ В трех из пяти, обозначенных И. Прокофьевым: «Идейно-тематические мотивы и структурные части, образующие сюжет в видениях, также отличаются постоянностью и известной определенностью. Они располагаются в таком порядке: 1) молитва или раздумье видящего, после чего он обычно впадает «в тонок сон»; 2) появление чудесных сил, которые сообщая видящему «откровение», разрешают какой-либо вопрос или призывают к действию; 3) испуг видящего; 4) смысл «откровения»; 5) приказание о проповеди среди народа «откровения» [11, 40].
- ⁹ Есть также старообрядческое иконописное изображение с кораблем (кон. XVII в.), где Христос выступает в качестве кормчего корабля. Речь идет об иконографической композиции «гонение на Церковь Божию». См.: *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. С. 297.

- ¹⁰ Говоря о замысле создания поэтом воспитательного и просветительского эпоса, исследователь творчества В. А. Жуковского А. С. Янушкевич, перечисляя героев историй, пишет: «Иоанна и Сушанин, Зигфрид-змееборец, Иосиф Прекрасный и Иван-царевич, Ахилл и Матео Фальконе, капитан Бопп, Экберт, Мудрец Керим — из всех этих историй Жуковский хотел извлечь поучительный урок для юношества» [12, 273]

Список литературы

1. *Айзикова И. А.* Евангельские идеи, мотивы, образы в «Святой прозе» В. А. Жуковского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 5. С. 168–197.
2. *Берман А.* Христос-купец и корабль-церковь. К вопросу об источниках хлыстовского мотива о «богатом госте» [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/02_b/er/man_01.htm (дата обращения: 15.05.2014).
3. *Игнатий (Брянчанинов).* Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: В 8 т. / Сост. и общ. ред. А. Н. Стрижев. Т. 1. М.: Паломник, 2006. 623 с.
4. *Дарк О.* «Потусторонняя Америка» [Электронный ресурс] // В моей жизни: сетевой журнал литературных эссе. Вып. 1: Америка в моей жизни. 27.05.2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/inmylife/01dark.html> (дата обращения: 12.06.2014).
5. *Канунова Ф. З., Айзикова И. А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 302 с.
6. *Канунова Ф. З.* Соотношение художественного и религиозного сознания в эстетике В. А. Жуковского (1830–1840) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. С. 159–169.
7. *Королева А.* История одной легенды: Летучий голландец // Мир фантастики. Май. 2011. № 5 (93). С. 126–131.
8. *Лебедева О., Янушкевич А.* Капитан Бопп: Примечания // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. В 20 т. Т. 4. Стихотворные повести и сказки / Сост. и гл. ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 505–509.
9. Н. Б-в. Покаяние // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 24. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. С. 240–241.

10. Платон, архиепископ Костромской (Фивейский). Напоминание священнику об обязанностях его при совершении таинства покаяния. М.: А. Д. Сазонов, 1896. 226 с.
11. Прокофьев Н. И. Видения как жанр в древнерусской литературе // Вопросы стиля художественной литературы / Под общ. ред. А. И. Ревякина. М., 1964. С. 35–56. (Моск. пед. ин-т им. Ленина. Учен. зап. № 231).
12. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 524 с.

Marina Anatolyevna Zhirkova

*Ph.D. in Philology, Associate Professor of Leningrad State University
named after A. S. Pushkin,
(St. Petersburg, Pushkin, Russian Federation)
manp@mail.ru*

**THE TRANSFIGURATION POWER
OF PRAYER
(POETIC NOVEL BY V. A. ZHUKOVSKY
CAPTAIN BOPP, 1843)**

Abstract. In his story V. A. Zhukovsky reviews the power of faith that can change people. A protagonist of the poetic story Bopp is the captain of the ship, an evil and depraved person, an offender and a blasphemer, hated by his crew that are ready to kill him. The main character gets a possibility of salvation through the gospel of repentance and a prayer. Inner transfiguration occurred to the captain became possible due to his sophisticated internal spiritual work, the power of aspiration to God, his self reflection and total devotion to God. This way is seen by the author as the only possible, but the main thing here is the fact that it is possible. The culmination of the story is the image of the crucified Christ that the captain sees. Since then the hero is not afraid to die, because it becomes clear that he has been forgiven. In the story, on the one hand, the death of a man is presented, but on the other hand it is not death that becomes important, but a new mind that enables the hero to find peace. For Zhukovsky mortal (temporal) life is a time for preparation for eternal life. The story gives hope to everyone and admits the possibility of salvation.

Keywords: story, didacticism, confession, prayer, dialogue, genre, vision transfiguration

References

1. Ayzikova I. A. Evangel'skie idei, motivy, obrasy v «Svyatoy prose» V. A. Zhukovskogo [Evangelical ideas, motifs, images in “Sacred prose” by V. A. Zhukovsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki [The problems of historical poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ.,

2008. Vol. 8: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Issue 5, pp. 168–197.
2. Berman A. *Khristos-kupets i korabl'-tserkov'. K voprosu ob istochnikakh khlystovskogo motiva o «bogatom goste»* [Christ as a merchant and a ship as church. To the question of sources of swich motif of “the rich guest”]. Available at: http://krotov.info/library/02_b/er/man_01.htm (accessed 15.05.2014).
 3. Bryanchaninov I. *Polnoe sobranie tvoreniy svyatitelya Ignatiya Bryanchininova: v 8 tomakh* [Bryanchaninov I. The Complete Works by St. Ignaty Bryanchaninov in 8 Vols.]. Moscow, Palomnik Publ., 2006, vol. 1. 623 p.
 4. Dark O. «Potustoronnyaya Amerika» [“Otherworldly America”]. *V moey zhizni: setevoj zhurnal literaturnykh esse* [In my life: web-journal of the literary essays]. Issue 1. Available at: <http://www.vavilon.ru/inmylife/01dark.html> (accessed 12.06.2014).
 5. Kanunova F. Z., Ayzikova I. A. *Navstvenno-esteticheskie iskaniya russkogo romantizma i religiya (1820–1840-e gody)* [Moral and aesthetic searches of the Russian romanticism and religion (1820–1840s)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 2001. 302 p.
 6. Kanunova F. Z. *Sootnoshenie khudozhestvennogo i religioznogo soznaniya v estetike V. A. Zhukovskogo (1830–1840)* [Relation between art and religious consciousness in aesthetics by V. A. Zhukovsky (1830–1840)]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994. Vol. 3: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Issue 1, pp. 159–169.
 7. Koroleva A. *Istoriya odnoy legendy: Letuchiy gollandets* [The history of one legend: the Flying Dutchman]. *Mir fantastiki* [World of Fiction]. May. 2011, no. 5 (93), pp. 126–131.
 8. Lebedeva O., Yanushkevich A. *Kapitan Bopp: Primechaniya* [Captain Bopp: comments]. *Zhukovskiy V. A. Polnoe sobranie sochineniy: v 20 tomakh* [Zhukovsky V. A. Complete works in 20 Vols.]. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ., 2009, vol. 4, pp. 505–509.
 9. N. B–v. *Pokayanie* [Repentance]. *Entsiklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, I. A. Efron's Tipo-Lithography, 1898, vol. 24, pp. 240–241.
 10. Platon, archbishop of Kostroma (Fiveisky). *Napominanie svyashchenniku ob obyazannostyakh ego pri sovershenii tainstva pokayaniya* [Reminder to

- the priest about his duties while exercising the sacrament of repentance*]. Moscow, A. D. Sazonov's Publ., 1896. 226 p.
11. Prokofiev N. I. Videniya kak zhanr v drevnerusskoy literature [Idola as a genre in Old Russian literature]. *Voprosy stilya khudozhestvennoy literatury* [Questions of style in fiction]. Moscow, 1964, pp. 35–56.
 12. Yanushkevich A. S. *V mire Zhukovskogo* [In the world of V. A. Zhukovsky]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 524 p.